

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви*

ИС Р16-610-0380

ИС Р17-707-0273

С 84 **Стрела, запущенная в вечность** / Наталия Сергеевна Алеева, Татьяна Игоревна Лашук. — М.: Сибирская Благовонница, 2017. — 494, [2] с.

ISBN 978-5-906911-28-5

О русских женщинах, их кротости, мудрости, преданности, любви и вере веками слагались стихи, предания и легенды... Первой упоминается святая равноапостольная княгиня Ольга, которая стала духовной матерью русского народа. Через неё началось просвещение людей светом Христовой веры. Впоследствии святую Ольгу назовут Богомудрой, подчеркивая ее главный дар, ставший основанием всей лестницы святости русских жен — премудрость. Прославлены в веках и другие святые жены, о которых рассказывается в этой книге: преподобная Евфросиния Московская, преподобномученица великая княгиня Елизавета, блаженные Ксения Петербургская, Матрона Московская и многие подвижницы благочестия.

УДК 82.161.1-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Алеева Н. С., текст, 2017

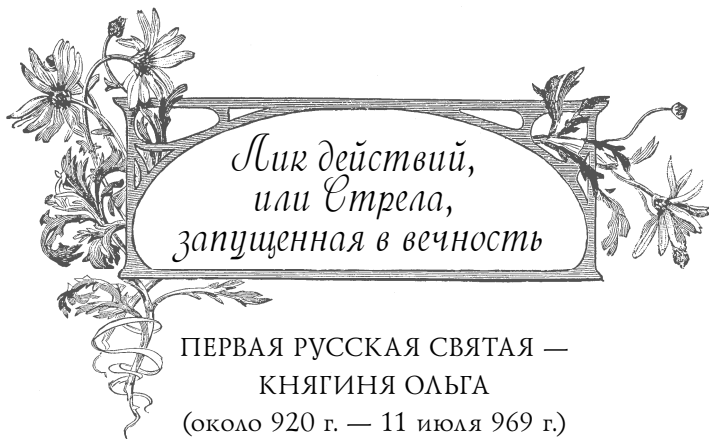
© Лашук Т. И., текст, 2017

© Сибирская Благовонница,
состав, оформление, 2017

НАТАЛИЯ АЛЕЕВА

ЦВЕТЫ,
КОТОРЫЕ ЦВЕТУТ
ВЕЧНО

*Лук действий,
или Стрела,
запущенная в вечность*

ПЕРВАЯ РУССКАЯ СВЯТАЯ —
КНЯГИНЯ ОЛЬГА
(около 920 г. — 11 июля 969 г.)

Первый ученик Иисуса Христа апостол Андрей Первозванный, проповедуя Благоую Весть (Евангелие), прошёл через восточноевропейские земли от Южного моря до Северного. Здесь он встретил племена тавроскифов. Дойдя до греческих колоний Таврии, апостол создал там первые христианские общины. К началу II века в них насчитывалось уже около двух тысяч человек.

В 861 году в Корсуни (Херсонесе) святой Кирилл, просветитель славян и составитель

азбуки, нашёл Евангелие и Псалтирь и обучился языку у одного из русов. Так что славянская азбука была создана не на пустом месте, и славяне-язычники до принятия христианства не были дикими народами, не имевшими своей языковой культуры.

В IX веке по миру стало быстро распространяться мусульманство. Кроме Востока и Африки оно утвердилось и в таких европейских странах, как Испания и Южная Италия. Проникнув в Хазарию, оно, противопоставляя иудаизму и христианству, устремилось по Волге на север. Поэтому перед всем славянским миром одновременно встал вопрос отношения к христианству и, в частности, к Православию.

863 год — начало просветительской миссии святых братьев Кирилла и Мефодия в Великую Моравию. 865 год — крещение Болгарии. В 867 году патриарх Фотий в «Окружном послании» говорит о крещении северных славян как о свершившемся

факте: первые русские князья Аскольд и Дир с частью своей дружины и киевлян в 861 году приняли христианство. Но при поддержке северных варягов язычество тогда временно восторжествовало, а князья-христиане Аскольд и Дир были убиты.

Между 864 и 866 годами прошло первое крещение Руси. В 869 году — крещение сербов. 988 год — крещение князя Владимира вместе со своей дружиной в Корсуни (Херсонесе) — бывшей колонии Византии в Крыму — и принятие христианства на Руси.

Летописные свидетельства о выборе Владимиром веры подтверждают реальность того, что тысячу лет назад Русь действительно находилась перед историческим выбором. И этот выбор стал событием не только европейского, но вселенского значения: Русь, приняв христианство, остановила наступление мусульманства и стала восточным бастионом европейской

христианской цивилизации. А славянские народы, приняв единую веру, единый богослужебный и литературный язык, обрели основополагающее единство.

У каждого народа, как и у каждого человека, свой путь к Богу, но неверно было бы предполагать, что история Руси началась только с Крещения.

Славяне когда-то населяли обширные пространства Европы и состояли из разных племён. Главенствовали в племенах воители, отличавшиеся ратными подвигами и храбростью в бою. Люди, жизнь которых постоянно сопряжена с опасностями, ценят мужество, верность долгу и слову. Прирождённые воины, они любой спор разрешали в поединках, и победитель был всегда прав. Поэтому боевая удасть считалась у язычников высшим законом. И если человек не мстил за нанесённое ему оскорбление, то покрывал себя презрением и позором. «Око за око, зуб

за зуб» — было нравственным правилом язычника-славянина.

У славян была своя самобытная культура, нравственные и общественные законы, действие которых они почитали священным и неколебимым. Они поклонялись множеству богов и духов, которые, по их воззрению, ещё задолго до человека пришли на землю и затворились во всём, что их окружало. Эти незримые силы обладали могуществом, и потому люди считали необходимым ладить с ними. В одержанных над врагом победах они видели их благосклонность, и наоборот, если война постигала неудача, это было знаком, что боги разгневаны. Но в том и другом случае о малых и больших богах славянин всегда помнил, ублажая их дарами и жертвоприношениями.

Несмотря на то, что в бою новгородские славяне оставались непримиримыми, в мирной жизни они были радушны, жизнерадостны и настолько гостеприимны, что, хозяин,

гость которого был чем-либо обижен, подвергался соплеменниками наказанию.

Самыми уважаемыми людьми у новгородских славян почитались старики. В мелкие споры они не вмешивались, а слово своё говорили там, где обсуждались важнейшие дела и выносились решения. И такое слово было законом.

Старика никто не мог судить — даже за преступление. Но если он совершал недостойный поступок, при встрече с ним переставали кланяться. И это являлось столь тяжким наказанием, что человеку оставалось только одно: скрыться и тайно себя убить. Такое самоубийство он должен был совершить жертвенным ножом и в одиночестве — тогда его проступок считался искупительным.

Жить по правде, поступать по правде, судить и рядить по правде было краеугольным камнем отношений славян. Празднословие у них считалось пороком,

а умение кратко и метко говорить — достоинством. Известно что, заключая договор, они скрепляли его не клятвой, а заверением: «Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно!»

Но многоначалие вело к разладу, ибо каждый хотел править по-своему. И от этой несогласованности славянам вскоре стало трудно защищать рубежи своих земель, отражать атаки завоевателей. Тогда (по одной из распространённых версий) на совете старших было решено, что их соплеменникам нужен общий мудрый правитель. На берегах Балтийского моря в то время жил народ, происходивший от норманнов, и назывался он варяги-русь. Народ этот был сплочённым и давно уже имел не только законы, но и князей, правивших по этим законам и поддерживающих дисциплину в мирное и военное время. Если варягам приходилось выходить на поле брани, то мало кто мог их одолеть.

К этому народу и были направлены послы северных славян со словами к князьям: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами».

Варяги приняли такую честь, и в начале IX столетия на славянские земли пришли три брата-князя: Рюрик, Синеус и Трувор (по другой версии князь был один, и все эти три имени принадлежали ему). Рюрик стал править в Новгороде, Трувор — в Изборске, Синеус — в землях у Белого озера. С тех пор славян, которыми управляли братья, стали называть русскими, а их землю — Русью.

Но скоро Синеус и Трувор умерли, и тогда Рюрик, объединив все три владения, назвал себя великим русским князем и стал основателем Русского государства со столицей в Новгороде.

Изначально братья-правители пришли к славянам со своими дворами — варягами, которые преданно служили князьям.

Те, кто остался с Рюриком, стали первыми на Руси боярами, владеющими землями и людьми. Рюрик единолично правил ещё пятнадцать лет.

Когда он умер, Русское княжество наследовал его сын Игорь. Но так как он был ещё ребёнком, то, по завещанию отца, опекуном Игоря и его соправителем стал один из родственников Рюрика храбрый воин Олег.

Олег с Игорем благополучно княжили в стольном Новгороде, когда до них дошли слухи, что на берегу Днепра появилось новое процветающее княжество и правят в нём два выходца из Новгорода — князья Аскольд и Дир. Молва гласила, что, захватив на берегу Днепра небольшой городок под названием Киев, они обосновались в нём, наладили торговлю и перестали поклоняться языческим богам.

Олег слыл хорошим опекуном, и новость эта не оставила его равнодушным.

Как воина его опасались и греки в Константинополе, и кочующие в степях племени, не решавшиеся при нём переходить русские границы. Но разделаться с новоявленными князьями Олег решил не силой, а хитростью. Подойдя к Киеву, он оставил войско в засаде и вместе с княжичем Игорем и небольшой охраной направился в ладье к городу. Причалив к берегу, он велел передать правителям, что пришли земляки — варяжские купцы из Новгорода. Аскольд и Дир вышли навстречу, но были окружены княжеской дружиной, и Олег, подняв на руки Игоря, сказал: «Не вы князья, а я и сын Рюрика!» Участь первых правителей христиан была решена: Аскольд и Дир убиты, а их земля присоединена к новгородской. Столицу Руси Олег перенёс в Киев.

Вскоре он возвёл на берегу Днепра новую кумирню (место поклонения языческим богам) и поставил на возвышение идол Перуна — бога грома и молний.

У подножия этого изваяния беспрестанно горело пламя, и считалось плохим предзнаменованием, если оно гасло. Нередко, чтобы умиловить грозного истукана, ему приносили особые дары — человеческие жертвы. И никто не упоминал, чтобы людским жертвам Перун когда-нибудь предпочёл плоды или зерно...

Ещё во время правления Олега в Киев из греческого города Царьграда (Константинополя) прибыло посольство. Во главе его стоял облачённый саном проповедник неведомой большинству русских веры. Когда ему дали говорить перед народом, он сказал нечто удивительное: будто бы небо и земля, всё сущее и человек созданы Единым Богом, Сын Которого приходил на землю. Он говорил, что этого Божиего Сына зовут Иисус Христос и Он учил, что человек призван в мир для любви и добра. Проповедник утверждал, что тот, кто не будет иметь в сердце ни злобы, ни жажды

мести и возлюбит всех как самого себя, получит жизнь вечную, где нет ни горестей, ни страданий. Потом он сказал совершенно невероятное: будто бы существует лишь этот Единый Бог и никаких иных богов нет — все они придуманы людьми.

Пока длилась эта проповедь, никто не смел взглянуть на изваяния кумиров, которым исстари поклонялись. Но когда миссионер поднял над головой Евангелие, люди возроптали: «Ты говоришь, что истинность сказанного можешь подтвердить словами этой книги, которая будто бы продиктована Самим Богом. Как верить твоим словам? Мы поверим только чуду. Если ты говоришь правду, то пусть книга, которая учит твоей христианской вере, будет брошена в огонь. И если она не сгорит, тогда узнаем, что твой Бог, Которого ты так восхваляешь, велик и вера в Него истинна».

Многих эти слова успокоили, потому что каждый знает, что огню подвластно

даже железо, не то что книга. Никто не хотел, чтобы чужой проповедник смущал народ речами, которые не могут быть угодны языческим богам.

Но архиерей спокойно принял вызов и, пока разводили костёр, тихо молился. Затем он подошёл к огню и положил книгу в пламя, которое было так велико, что сразу поглотило её. Но когда дрова прогорели и огонь отступил, все увидели, что книга по-прежнему лежит в центре костра. Только достать её из раскалённых углей ещё долго не удавалось. Когда же она была извлечена, то язычников охватил трепет, потому что страницы книги не только не были повреждены, но и казались даже прохладными...

Так на берегу Днепра вновь появились последователи Иисуса Христа — христиане. И этот день закончился тем, что многие из них приняли от греческого священника крещение, трижды погрузились в воды реки и зажгли в руках восковые

свечи — видимый знак того, что в их сердцах теперь была новая надежда. Но Игорь и его пестун (воспитатель) Олег от своей прежней веры не отступились.

Олег княжил на Руси долго, правил даже тогда, когда Игорь стал уже взрослым. За это время он выиграл немало битв и, дойдя с войсками до Константинополя, водрузил свой щит на воротах Царьграда, что означало победу и власть над городом. Этот византийский поход он закончил, когда греки предложили ему большой откуп. Получив дань, Олег оставил их земли и возвратился в Киев.

Боевой щит у славян почитался священным, и они его оберегали больше собственной жизни. Потерять щит в бою считалось бесчестием. И даже смертельно раненный воин, чтобы щит не достался врагу, старался отдать его соратнику. Возвращаясь с поля брани, воины оставляли щиты на своих воротах. И снимали лишь тогда, когда снова выступали в поход.

При Игоре на Русь пришли кочевники печенеги. Первые набеги князь отбил и даже наложил на них дань, но не смог заставить уйти подальше от русских границ.

Сообщения летописей о том, что Олег привёл Игорю из Пскова жену Ольгу и что происходила она из знатной семьи, расходятся с народным и более поздним (XVI в.) житийным повествованием о первой русской княгине-христианке. Но брак Игоря с Ольгой был недолгим.

Осенью 945 года князь Игорь, «возымая дань» (собирая дань) у одного из покорённых ещё Олегом племён древлян, захотел взять больше, чем было оговорено. Народ этот, платя дань исправно, посчитал, что требование Игоря несправедливо. Князь не уступил. Тогда язычники-древляне взбунтовались и убили его.

По обычаю кровной мести сын Игоря Святослав должен был отомстить за отца. Но он был ещё мал, и этот долг взяла на

*Казнь дrevлянами князя Игоря.
Рисунок Фёдора Бруни, 1839 г.*

себя Ольга. Жестокость и коварство русской княгини при расправе с дrevлянами летописец представляет как справедливый суд и возмездие за непокорность народа своему государю. Хотя с годами любое событие и обрастает легендами, но военный поход Ольги на столицу дrevлян — исторически доказанный факт. Тогда даже предполагалось, что после той победы Ольга перенесёт русскую столицу из Киева в Искоростень (столица дrevлян).

*Княгиня Ольга.
Художник Виктор Васнецов,
1890 г.*

По древнерусским законам вдова, если она не выходила вновь замуж, во всех житейских и деловых вопросах заменяла умершего мужа и обладала его правами. Князь Игорь

хотя при жизни и не принял новой веры, но не препятствовал распространению на Руси византийской культуры. Княгиня Ольга, став полновластной хозяйкой Русской земли, оказалась умным политиком. Её стараниями была проведена первая из известных на Руси финансовая реформа, налаживались связи с крупнейшими государствами Европы. Когда подданные уже глубоко почитали её как мудрую правительницу, она приняла христианскую веру. И собственным примером подготовила почву для будущего духовного просвещения своего народа.

В 964 году Ольга официально уступила престол совершеннолетнему сыну Святославу. Но когда он отправлялся в долгие военные походы, Ольга по-прежнему правила государством, и во время печенежского нашествия ей даже пришлось возглавить оборону стольного города Киева.

Во все времена людей волновали вечные вопросы о правде и красоте, о том, что

есть истина, и в чём смысл бытия. Летописи повествуют о неустанных «хождениях» Ольги по Руси. Но прежде она побывала на Греческой земле в Царьграде — городе Константинополе.

В 954 году в столицу Византии её пригласил царствующий тогда император Константин VII Багрянородный. Княгиня знала, что у цесаря есть крайняя нужда в усилении византийской армии за счёт русских «воев». Ольге же было необходимо добиться от византийского императорского дома установления династических связей. И она приняла это предложение.

В составе русского посольства в этот раз было много женщин: шесть родственниц и восемнадцать приближённых дам. По богатству и пышности русская депутация мало чем отличалась от знатных придворных дам византийского двора. Верхняя одежда княгини и боярынь была сшита из восточных вышитых шелков («паволок»)

и ткани, походившей на бархат, с золотой и серебряной нитью. Длинные подпоясанные платья дополнялись накидками и плащами, отороченными разноцветной каймой. В то время пояса на Руси обычно украшались оберегами, преграждавшими, по языческим поверьям, подступ нечистой силе. Но на этот раз они были обшиты жемчугом и «аламами» — серебряными и золотыми чеканными бляшками, придававшими одежде особую пышность и парадность.

От иностранцев, получавших приглашение на аудиенцию с императором, требовалось совершение проскинезы (падения ниц). Когда княгиня Ольга вошла в тронный зал, вся её многочисленная свита тотчас пала ниц. Константин, принимая правительницу Русской земли, сидел на золотом троне, усыпанном драгоценными камнями. Ольга, беседуя с ним, стояла. Вокруг было множество невиданных затей. Около императорского престола располагались

отлитые из золота в натуральную величину дикие животные. И механика их была так устроена, что когда кто-либо приближался к императору, львы начинали рычать, а лежащие у подножия трона экзотические звери поднимались на лапы. И диковинные птицы, сидевшие на золотых деревьях, непрестанно выводили разноголосые трели. На этой встрече кроме вопросов о здоровье членов правящих семей произносились взаимовеличания титулами и благопожелания.

В тот же день состоялось традиционное для приёмов высоких послов торжество — парадный обед, во время которого княгиня была окружена придворными дамами высшего ранга. Присутствующих услаждали сценическими представлениями и музыкой. Великолепие этого приёма свидетельствовало о том, что русскую правительницу причислили к «знаменитым и великим людям». Сам Константин в своих записках назвал Ольгу «игемоном и архонтиссой русов».

Во время этого визита княгиня Ольга была удостоена и наивысшей почести — приема в покоях византийской императрицы. Подобная встреча с императорской семьёй была исключением из правил приёмов иностранных послов, но «архонтисса русов» не только была удостоена этой чести, но и по приглашению императора Константина Багрянородного сидела и «высказывала то, что желала». В узком кругу, видимо, были обговорены особо важные для двух сторон вопросы, ради которых император пригласил княгиню в Константинополь, а Ольга предприняла столь далёкое и небезопасное путешествие за море. Возможно, Ольга хотела подготовить почву для будущего брака Святослава с одной из принцесс императорского дома. Считалось, что он мог находиться в составе русского посольства, скрываясь под видом «анепсия» (родственника княгини), коих около неё было восемь человек. Чтобы осуществить

подобный план, надо было не только произвести благоприятное впечатление на византийского императора, но и доказать, что Русь уже готова перешагнуть за пределы «варварского мира», к коему Константин VII Багрянородный причислял хазар, угров и русов. Визит княгини Ольги в Царьград, её переговоры с Константином VII породили легенду о «сватовстве» женатого византийского императора к пожилой княгине-вдове (Ольге в то время уже было шестьдесят лет). Русская летопись, а на её основе и житие святой Ольги повествуют о том, что будто бы император, приняв русскую княгиню, был так поражён её умом, что возжелал взять её в жёны: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Но Ольга, зная, что крестный отец не может вступить в брак со своей крестницей, не растерялась: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести сам, иначе не крещусь». И будто бы при таком повороте царь

не мог ни обидеться за отвергнутое предложение, ни отказать в столь великой просьбе. Но подобное утверждение опровергается тем, что женатый православный император не мог претендовать на многожёнство.

Желание Ольги принять греческую веру было самостоятельным и дальновидным. И оно было удовлетворено. Крестил её Византийский Патриарх, а восприемником стал константинопольский император. В честь матери Константина I Великого Ольга при крещении получила христианское имя Елена. И, как сказано в летописи, Патриарх, наставив её в истинах веры, церковном уставе и молитвенном правиле, сказал: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И Ольга ответила ему в том же духе: «Да будет воля Божия; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им

*Святая равноапостольная
княгиня Ольга. Икона*

в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне».

Вернувшись домой, она проповедовала в своих вотчинах христианскую веру, строила храмы и, отвергая теперь любую месть, проявляла любовь и милосердие. Поэтому в истории Ольга стяжала именование Мудрой, а Православная Церковь почитает её равноапостольной, ибо, просвещая свой народ, она уподобилась святым апостолам — первым ученикам Христа.

Ольга старалась убедить своего сына, что «правда с теми, кто хранит мир». Но Святослав, воспитанный воином, мечтал лишь о победных сражениях. Большую часть своей жизни он провёл в походах и завоеваниях. Никогда не нападая на неприятеля внезапно, он сначала посылал гонца со словами: «Иду на вы!», а затем уже вступал в бой. Со своими вершниками (конными ратниками) он делил все тяготы военной жизни: питался самой простой пищей, спал на голой земле, подложив под голову лишь седло.

Святослав был последним и отчаянно смелым языческим правителем Руси. Он победоносно дошёл со своей дружиной до низовий Волги и собирался подчинить себе богатые города мусульманской Булгарии (волжские болгары — народ, образовавшийся в VIII веке на Волге и Каме сильное феодальное государство, покорённое татарами в XIII и окончательно распавшееся

в XIV веке). Он так увлёкся этой идеей, что собирался обосноваться на этих землях и перенести туда столицу Руси. Святослав, не препятствуя распространению христианства, тяготел к исламской культуре и из восточного похода привёл с собой в Киев мусульман — ясов и касогов, чем вызвал недовольство и упрёки киевлян: «чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя охабив». Но до конца своих дней он так и остался язычником. И Ольга, не решаясь прекословить государю, не смогла крестить троих своих внуков: Ярополка, Олега и Владимира. Они были воспитаны в вере предков и отца — язычниками.

Княгиня Ольга конец своей жизни провела монахиней в миру: в молитве и посте, в заботах о бедных и больных. Умерла она 11 июля 969 года, когда ей было уже больше восьмидесяти лет. Преподобный Нестор Летописец записал: «Она первая вошла в Царство Небесное от Руси. Её славят

все сыны русские, потому что и по смерти она молится Богу за Русь». В «Повести временных лет» Ольга называется как «предтекущая христианской земли, аки денница перед солнцем и аки заря перед светом». Славянское имя её внука — Владимир — означает «владеющий миром». Семнадцатилетним юношей он с войском вошёл в Киев и, будучи удачливым воителем, скоро присоединил к своему государству обширные земли. У князя был вспыльчивый характер и жестокий нрав, и, являясь язычником, он любую обиду смывал кровью. После походов в княжеском тереме его ждали восемь жён и несметное число наложниц: «300 в Вышегороде, 300 в Белегороде, 200 на Берестове в селци», — написал летописец.

Издrevле на землях Руси было много разноязычных жителей, и Владимир, стремясь к единству государства, создал в Киеве пантеон языческих богов — кумиров

всех народов, населяющих Русь. После очередной удачи в военной кампании, немалая помощь в которой приписывалась языческим богам, жрецы объявили, что богу войны следует принести особую жертву — человека. Жребий пал на юношу по имени Иван, который, как и его родители, был христианином. Когда жрецы в окружении толпы подошли к их дому, навстречу вышли отец с сыном, и отец сказал:

— Я не отдам вам своего сына, потому что ваши боги не настоящие — сегодня стоят, завтра их нет. Истинный же Бог — один. И зовут Его Иисус Христос. Только в Него я верю. Только за Него готов умереть вместе со своим сыном. Настоящий Бог не требует крови. Он Бог любви, а не зла.

От таких слов язычники пришли в ярость и, набросившись на христиан, подняли их на колья. Так на Руси появились первые христианские мученики — Феодор (отец) и Иоанн (сын).

Но языческое мировоззрение уже не могло скреплять государство: оно не решало ни политических, ни нравственных задач времени. На смену ему должна была прийти религия, проповедующая единого Бога. Таких религий было три: христианство, мусульманство и иудаизм.

Как только мир узнал, что вера в языческих богов у русских поколеблена, в Киев устремились проповедники со всех концов света. Каждый хвалил свою веру, надеясь обратить в неё могучего князя и тем приобрести себе союзника. Князь Владимир сам принимал вероучителей и внимательно их выслушивал. Он не хотел ошибиться в выборе, предвидя, что от этого будет зависеть будущее его народа.

Однажды, созвав бояр и старейшин, он сказал:

— Я выслушал многих мудрецов из христиан, мусульман и евреев. И каждый из них хвалил свою веру. Чтобы узнать

правду, я пошлю своих мудрых людей по разным землям. Пусть они всё посмотрят и сами расскажут нам, что разузнают о всякой вере. Вот тогда мы и примем решение, как нам быть.

Для того чтобы испытать веру на местах, русские послы объездили многие государства. Но более всего были поражены красотой и благолепием православного богослужения у греков в константинопольском храме Святой Софии. По возвращении послы сказали князю:

— Когда греки ввели нас в церковь, мы увидели такую красоту, какую язык наш передать не может. И объяла нас тогда радость, так что мы уже не знали, где находимся: на земле или на небе.

Память о мудрой правительнице-христианке княгине Ольге, а также красота греческого богослужения во многом предопределили решение о принятии Русью православной Христианской веры. Человек

ведь всегда отождествлял красоту с Создателем.

С принятием христианства началась новая эпоха на Руси. Прежде всего, установился прочный союз с Византией. Союз, которому суждено было пережить и захват Константинополя крестоносцами, и татарское иго на Руси. Кроме того, Византия считалась самой образованной страной того времени, и русский народ получил богатейшую литературу. Книги богословские и исторические, научные и художественные были восприняты русами как откровение и непререкаемый авторитет. С этого момента на Руси начал складываться культ книги, просуществовавший многие века, не исчезнувший и в наши компьютерные дни.

Киевская Русь, приняв христианство, налаживала связи со всеми христианскими странами Европы. Дети и внуки князя Владимира роднились с иноземными

королевскими семьями. Но, войдя в европейский мир, православная Русь искала свой образ святости и правды, оставаясь самобытным единодержавным государством, вскоре соединившим Европу и Азию.

Перед своей кончиной «начальница веры» в Русской земле, святая княгиня Ольга, просила не делать ничего, что требует языческий обычай, и похоронить её по-христиански. «Не смей насыпать надо мной могильного холма и делать тризны; но пошли в Царьград золото к Святейшему Патриарху, чтобы он совершил молитву и раздал милостыню ради Господа за мою душу», — наказывала она своему сыну Святославу. Ольга покинула мир с молитвой на устах 11 июля (по старому стилю) 969 года, «и плакали по ней плачем великим сын её, и внуки, и все люди».

Преподобный Нестор Летописец отметил, что «блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее на

свете этом, и нашла многоцветный жемчуг — Христа».

Бог прославил святую равноапостольную княгиню чудесами и нетлением мощей. При внуке её, святом князе Владимире, мощи святой были перенесены в Десятинный храм Успения Пресвятой Богородицы и положены в саркофаге, в каких было принято помещать мощи святых на Православном Востоке. Над гробницей святой Ольги в стене было устроено оконце, и если кто приходил с верой, то оно открывалось, и человек мог видеть, часто в сиянии, нетленные мощи святой. Приходившему же с маловерием не доводилось видеть святыню, а только один гроб.

Святая Ольга недаром получила при Крещении имя святой равноапостольной Елены, некогда обретшей на Святой Земле Честное Древо Креста Христова. Главной святыней сердца Новгорода — Софийского храма — стал Святой Крест, принесённый

Ольгой из Царьграда и полученный ею в благословение от Константинопольского патриарха. Крест, по преданию, был вырезан из цельного куска Животворящего Древа Господня, и на нём была надпись: «Обновися Русская земля Святым Крестом, его же приняла Ольга, благоверная княгиня».

Святая равноапостольная княгиня Ольга была канонизирована на Соборе 1547 года, который подтвердил повсеместное почитание её на Руси ещё в домонгольское время. 24 июля (по новому стилю) — день почитания святой Ольги Православной Церковью.

ТАТЬЯНА ЛАШУК

СВЕТЕ ТИХИЙ

В ранних ноябрьских сумерках к храму преподобного Симеона Столпника подкатила карета без гербов и сопровождающих верхами. Что-то клевавшие в мёрзлой грязи вороны взлетели и расселись по деревьям, громко хлопая крыльями и недовольно каркая. Напудренный лакей торопливо соскочил с запяток, открыл дверцу и откинул подножку — из кареты вышел молодой широкоплечий господин в дорогой шубе и надвинутой по самые брови шапке. Отстранив лакея властной рукой в сторону, он сам бережно помог выйти

из экипажа тоненькой темноволосой даме. Её смуглое продолговатое лицо казалось красивым, но болезненно измученным, вокруг глаз густо залегли тени, под широкими складками шубы угадывалась худоба и — неожиданно выпирающий живот. Дама через силу улыбнулась, достала из соболиной муфты руку и подала её господину — тот едва коснулся её ладони, как с беспокойством вскрикнул:

— Бог мой, родная, да ведь ты вся горяишь!

— Ничего, Николай Петрович, ничего... Всё хорошо, не беспокойтесь...

Она закивала головой — и, как нарочно, всю её вдруг свело судорогой от мучительного приступа кашля. Торопливо прижала кружевной платочек к бледным губам: на белоснежном батисте расплылось красное пятно.

Господин в шубе терпеливо ждал, стоя рядом. Из кареты вышла ещё одна пара:

*Портрет графа Николая Шереметева.
Художник Николай Аргунов*

пожилой кавалер с крупным, как картофелина, носом и молоденькая хорошенькая дама. Это были знаменитый архитектор-итальянец Джакомо Кваренги и Татьяна Шлыкова, крепостная актриса графа Шереметева. Сегодня им предстояло стать свидетелями на тайном венчании сиятельного графа Николая Петровича с его бывшей крепостной актрисой, а ныне возлюбленной Прасковьей Жемчуговой.

Кашель всё не отступал. Кваренги деликатно отошёл в сторону: сделал вид, что его интересует архитектура старинного храма. Вот он, русский сказочный стиль: луковичные главки и летят, летят ангельскими крыльями полуокружая апсиды — или это белые свечки, возносимые к Богу?

Из приоткрытой двери церкви выглянул священник в полном облачении.

— Ваше сиятельство? — вопросительно окликнул он.

— Сейчас, отец Фёдор, придём... — Граф утвердительно кивнул ему. — Погоди ещё немного...

Священник вздохнул, сочувственно поглядел на невесту и скрылся за дверью.

— Пойдём, Пашенька, коли ты в порядке... Чего зря на ветру стоять...

Граф снова подал руку Прасковье, и они в сопровождении шаферов вошли в церковь. Дьякон сразу запер за ними дверь. В храме было жарко натоплено: ради их

приезда топили, не жалея дров. Заботливая Танюша (единственная настоящая подруга по актёрской школе, верный человек) помогла Прасковье снять шубку, старательно поправила на плечах длинную, до самого пола красную шаль. Затеплились свечи в руках, и началось таинство Венчания.

— Обручается раб Божий Николай рабе Божией Параскеве... Обручается раба Божия Параскева рабу Божию Николаю...

На её пальце засиял ободок кольца. Вдруг туман лихорадки рассеялся и лёгкость, прохлада и покой охватили её всю — так иногда бывало после долгой молитвы или когда она пела, набирая высоту самых чистых, пронзающих души слушателей: туда, высоко, до Господа, для Господа. «Боже мой, Боже мой, как Ты милостив ко мне... Как же я счастлива! Помилуй, не дай мне теперь умереть...»

Совершалось невозможное — она венчалась с ним. После двадцати счастливых

и мучительных лет любовной, но греховной связи. Что до того, что их осуждали, злословили люди, завидовали ей и ненавидели её: гораздо хуже было перед Богом нести постоянную тягость греха. Теперь она — жена Николая Петровича, законная мать его ребёнка: она знала, сердцем чувствовала, что это будет сын. И вот теперь умереть, оставить своё дитя во враждебном мире — слишком, слишком жестоко...

— Исаия, ликуй! — Отец Фёдор почти сердито выкрикнул возглас к певчим: те во время пения постоянно сбивались с нот, потому что любопытно глазели с клироса на венчавшихся. Но он боялся напрасно — в этот миг тонкому музыкальному слуху жениха и невесты было всё равно: они плохо слышали от волнения.

Когда вышли из храма обратно во двор, уже мужем и женой, Прасковья невольно от удивления вскрикнула: за это время выпал первый снег, и мир совершенно

изменился. Стал белым-белым, чистым, как сама невеста.

— Это нам к добру, Пашенька... Бог нас благословляет...

У неё было несколько фамилий. Все они отражали этапы её необычной судьбы.

Горбунова — так в детстве окликали её в деревне. Потому что у её отца был горб; он — горбун, она дочь его, следовательно, Горбунова.

Кузнецова, Ковалёва — потому что отец кузнец.

Жемчугова — такой сценический псевдоним придумал ей лично граф. Потому что голос нежный и радостный, как мягкий блеск жемчуга. И звучит лучше, чем Горбунова-Ковалёва.

Ковалевская — это уже приписанная к её родословной легенда, якобы Ковалёвы — потомки польской шляхты, ошибочно записанной в крепостные. Чтобы графу было не так неудобно жениться на крестьянке.

Шереметева — с этой громкой фамилией она уже умерла.

История их любви, как это бывает, обросла легендами. Авторству Прасковьи Жемчуговой приписывают песню, в котором якобы рассказано о их первой встрече:

Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала.
Вниз спустилась к ручеёчку
Близ зелёного лужка.

Вижу — едет барин с поля
На буланой лошади,
Две собачки впереди
Да два лакея позади.

Со мной барин поравнялся,
Бросил взгляд свой на меня
Бросил взгляд свой на меня
Да стал расспрашивать меня:

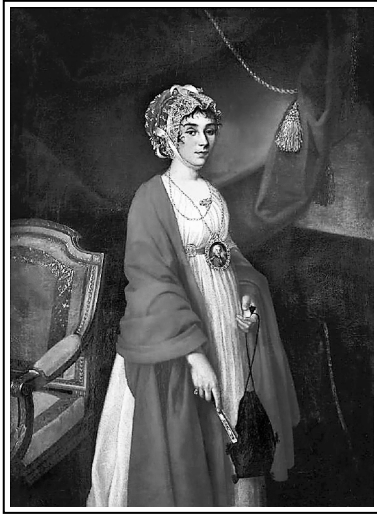
«Ты скажи, моя красотка,
Из которого села?» —
«Вашей милости крестьянка», —
Отвечала ему я.

«Не тебя ль, моя красотка,
Не к тому ты рождена!
Ты со вечера — крестьянка,
Завтра — будешь госпожа».

Как в Успенском во соборе
В большой колокол звонят —
Нашу бедную крестьянку
Венчать с барином хотят.

Но это песня. В жизни не было мгновенной любви с первого взгляда, а венчания им пришлось ждать целых двадцать лет. И коров гонять Паше в детстве долго не пришлось: уже в шесть лет она всевластной помещицей волей навсегда была вырвана из крестьянской среды, из родной семьи и отправлена в актёрскую школу на воспитание, возвращение талантов для крепостного театра. А в одиннадцать лет она уже пела на сцене.

Родилась будущая графиня в селе Березино Ярославской губернии. Отец, как уже говорилось, был кузнецом: особа в деревне

*Портрет Прасковьи Жемчуговой.
Художник Николай Аргунов*

важная и необходимая. Иван Степанович мастер был искусный, но пил водку много и часто, а во хмелю буйствовал или валялся в канаве. Впрочем, Прасковья свою семью и сложного поведения отца до конца своих дней любила, помогала деньгами

как могла и не стыдилась своих «простых» корней. Но, пройдя отбор благодаря своему голосу и обнаруженному музыкальному слуху, попала совсем в другой мир.

Усадьба Кусково была любимой резиденцией графов Шереметевых. Построена с размахом: просторный великолепный дворец на берегу большого зеркального пруда. Выстриженные садовниками на европейский манер «под Версаль» деревья и кусты: зелёные шары и пирамидки — располагаются в строгом геометрическом порядке. И самая главная и дорогая забава: крепостной театр.

Только знатнейшие и состоятельные аристократы следовали этой моде — содержать частный театр. Впрочем, часто всё было на любительском уровне — поют девки со сцены, и ладно. Если радуют мужской глаз пышными формами, то вообще молодцы. А если текст актёры забыли или ноту неверную взяли, можно и плетьюми наказать

нерадивых. Хозяин, как говорится, барин. Если при Петре I дворяне обязаны были служить на военной либо на гражданской службе, то при Екатерине II помещики получили полную свободу устраивать свою жизнь себе по вкусу. Хочешь жить лентяем-барином в своей деревне — пожалуйста. Крепостное право предоставляло людские и материальные ресурсы: коли есть крепостные души, что хочешь с ними делай, только открыто не убивай. Сегодня Васяка поёт в моём театре, а завтра я могу отправить его работать в поле. А с пригожей Дунькой и того проще: если понравилась, велю явиться вечером в мою спальню.

Но в театре Шереметевых царили несколько иные нравы. Молодой граф Николай Петрович слыл европейским демократом. Актёров величали по имени-отчеству и даже платили жалованье. К обучению будущих звёзд труппы тоже подходили не спустя рукава: в наставники нанимались

лучшие оперные певицы из столичного театра. Кроме обязательных уроков музыки и пения девочка учила итальянский и французский языки (а как же иначе — это языки самых великих опер и ведущих партий).

Пока маленькая Прасковья училась, граф Николай Петрович путешествовал по Европе. К досаде отца, он не чувствовал в себе склонности к военной или гражданской службе. Зато музыка, живопись и женщины увлекали его надолго и не на шутку. Молодой, красивый и баснословно богатый граф из далёкой экзотической России был желанным гостем при всех европейских дворах. Граф танцевал на балу с королевой Франции Марией Антуанеттой и заводил романы со знатными красавицами и известными актрисами. Скупал за огромные деньги живопись и скульптуру для украшения Шереметьевских дворцов. Лично познакомился с великим Генделем

и популярнейшим Моцартом, чем очень гордился. Однако настал момент, когда его потянуло домой, на родину.

Дома было хорошо. Он с энтузиазмом занялся театром: делился с актёрами новейшим европейским опытом и амбициозно решил размахом и новизной постановки превзойти придворный театр. Директор театра почтительно посоветовал прослушать ему новый голос: девочка Прасковья поёт чудо как хорошо, просто дивное сопрано, и музыкальный слух отменный. Граф увидел и разочаровался: куда такой на сцену — маленького росточка, худенькая, как щепочка, смуглая. Но запела — и у графа захолонуло сердце. Не голос: перл, чудо!

— Прасковья, да ты и впрямь хороша! На сцену, точно на сцену. Как, говоришь, её фамилия?

Девочка приседает в изящном реверансе и сама с достоинством отвечает вместо директора:

— Горбунова, Ваше сиятельство.

— Что за дурацкая фамилия у такого нашего сокровища! Алмазова, Сапфинова, Жемчугова... Да, вот именно, Жемчугова. Впредь именовать её так, слышишь?

Директор кланяется:

— Как угодно Вашему сиятельству. Жемчугова. Так в труппе и запишем.

И вот 22 июня 1779 года одиннадцатилетняя Прасковья вышла на сцену в маленькой роли служанки в опере Андре Гретри «Опыт дружбы». А уже через год она пела главную женскую партию Белинды в опере Антонио Саккини «Колония, или Новое поселение». Так всё и началось. И феноменальный успех у зрителей. И плохо скрываемая зависть товарок по актёрской труппе или даже совсем нескрываемая вражда.

У них были увлечённые обсуждения и даже споры во время репетиций. И доверительные разговоры наедине. Николай

Петрович рассказывал ей, ещё почти ребёнку, почему он не стремится, как все, делать карьеру. Время Екатерины II — это не его время. А вот наследник Павел Петрович его удостаивает своей дружбы: какая у великого князя благородная, рыцарская душа! Сколько у него удивительных замыслов и великих устремлений, и он, граф Шереметев, готов с ним их воплощать. Когда-нибудь... Граф значительно умолкал. Прасковья слушала: огромные тёмные глаза нежно сияли. Она любила его, а он с каждой встречей всё сильнее понимал, что ему так хорошо с ней неспроста. Завести банальную любовную интрижку: хозяин и крепостная — после всех душевных разговоров об искусстве и мечтаниях казалось святотатством. Здесь всё было непросто. И это невольно останавливало его. И даже испугало: такого волнения с ним ещё не случалось.

Но влечению было с каждым днем всё тяжелее сопротивляться. Они стали

любовниками. Прасковья, с одной стороны, была счастлива: чувствовала, что она не одна из многих, что действительно любима. А с другой — она любовница барина и примадонна его театра, у всех на языках и на виду. Роскошные костюмы и драгоценности, впечатляющие декорации, сложные сценические механизмы для спецэффектов — всё только для неё одной. Но злопыхатели не хотели принять к сведению, что сначала она стала примадонной его театра и только потом возлюбленной, а не наоборот.

Всё в свете позабыть хочу я для тебя.

Различность веры, нет, и то не помешает.

Что Бог один у всех, то разум мне вещает...

Любовник, друг, и муж, и просветитель мой,

Жизнь новую приму, соединясь с тобой, —

пела Жемчугова на сцене. Репертуар они с графом выбирали вдвоём: все сюжеты о любви с препятствиями, о двух влюблённых, которым соединиться в браке мешают обстоятельства, но они силой своего

чувства побеждают преграды. Элиана, Белинда, Лоретта — все героини поют об одном. Так они со сцены приучали зрителей к тому, что были вместе.

А зрители зачастую рукоплескали непростые. Тридцатого июня 1787 года в поместье Шереметевых приехала в гости сама императрица Екатерина. После спектакля она наградила Прасковью бриллиантовым перстнем: снисходительно разглядела «графскую актёрку», о которой ей все уши прожужжали. Время шло, а роман затягивался. Старый граф Шереметев недовольно глядел на Жемчугову: она уже стала для сына кем-то вроде невенчанной жены. Пусть и талантливая певица, но ведь не своё же место занимает. А как же продолжение рода, законные внуки? Он всё чаще выговаривал сыну за то, что тот уже давно разменял третий десяток лет и созрел для брака с молоденькой, равной себе по рождению девушкой. Николай Петрович

согласно выслушивал отца и пересказывал эти мысли Прасковье. Она молчала, ни на что не претендовала. Готовилась уйти из его жизни и со сцены — тоже. Когда-нибудь. Потом...

В 1788 году умер Пётр Борисович Шереметев и оставил все свои богатства, восемьсот с лишним тысяч десятин земли и более двухсот тысяч крепостных душ, сыну. Николай Петрович неожиданно тяжело перенёс его кончину: впал в меланхолию и начал пить. Опьянев, постоянно объяснял терпеливо слушавшей Прасковье, что время Екатерины Второй — это не его время. А вот когда воцарится наследник Павел Петрович, вот тогда он, граф Шереметев, и возьмёт своё! У него в роду фельдмаршалы и друзья государевы отродясь не переводились!..

Прасковья долго слушала эти речи, а потом решила переключить внимание спивающегося графа на что-нибудь доступное

сейчас и уехать из надоевшего Кусково. Вместе со всем наследством Николаю Петровичу досталось и имение Останкино, бывшее частью приданого его покойной матери из рода князей Черкасских. Именно здесь, в Останкино, они решили поселиться и начать всё заново, построить новый театр. Строительство театра и дворца длилось шесть лет и завершилось в 1798 году под руководством русских и итальянских архитекторов.

Свою комнату в роскошной усадьбе Прасковья обставила по своему желанию, уютно, но просто. Сквозь большое окно с балконом лился радужный свет. Весной в приоткрытое окно из сада проникал аромат сирени, усиливающийся после дождя. В нише за занавесками кровать, на туалетном столике перед зеркалом — портрет отца, деревенского кузнеца. В красном углу, словно в деревенской избе, висели иконы. Изредка приглашаемые подружки

из оперы и балетной труппы с удивлением глядели на эту скромную обстановку и не одобряли, говоря: «Уж я бы на её месте могла бы пороскошествовать, граф денег бы не пожалел, а тут и поглядеть не на что!»

Жизнь текла размеренно и счастливо. В 1796 году умерла Екатерина Великая, и на престол взошёл Павел I. Николай Петрович воспрял духом и всё ждал, когда же его призовут ко двору. Его надежды усилились, когда император согласился навестить его в Останкино. Для приезда желанного высокого гостя подготовились: в аллее за каждым подпиленным деревом поставили часового, и когда карета подъезжала к усадьбе, по условленному сигналу они толкнули деревья и стволы повалились змейкой. Тут перед восхищённым взором монарха предстал дворец во всем его великолепии.

Для императора Жемчугова пела лучшую свою партию Элианы из «Самнитских браков», пела буквально как в последний

раз. Восхищённый император совершил небывалое: на виду у всех он поцеловал крепостной актрисе руку. Как дворянке. Прасковья видела, как доволен, как гордится ею Николай Петрович.

Император уехал в Петербург, сделал графу милостивые намёки. Николай Петрович остался ждать дома. А дома стало тяжело и скучно. Прасковья начала болеть. Скрывать своё недомогание она уже не могла. Доктора обнаружили у неё чахотку и категорически запретили петь. Для неё это было страшным ударом: ей — и не петь?! Да это всё равно что запретить дышать! Но болезнь была неумолима. Для актрисы Прасковьи Жемчуговой навсегда погасли огни рампы. Граф своей барской волей закрыл театр: труппу распустил и своим хозяйским решением определил актёров в лакеи, а актёрис выдал замуж за крепостных.

Одновременно он стал на приёмах выводить Прасковью к гостям. Возил её

в Москву в театр. Ближайшие родственники и возможные наследники Разумовские обеспокоенно высчитывали цену бриллиантов на шее Прасковьи: сколько-сколько он тратит на свою певичку? Сошёл с ума наш Николай Петрович, совсем сошёл с ума!

Наконец из Петербурга пришёл приказ: император назначал графа своим обер-гофмаршалом. Это означало, что жить Николай Петрович будет при дворе, означало фактическую разлуку, и оба это понимали. Перед отъездом граф подписал вольную ей и всей её семье: что это, как не прощальный подарок?

Граф уехал. Прасковья осталась одна. Слуги сразу дали ей понять перемену в её положении: они с графом вроде бы и не расстались, но... Кто она теперь?

Однажды, когда Прасковья шла по двору, её окружила стайка дворовых мальчишек. Кривляясь, с хохотом они кричали ей в лицо:

— Кузнецова дочь, кузнецова дочь!
Шла бы из дворца ты прочь!

А между тем ожидания графа при дворе совсем не оправдывались. Всё складывалось совсем не так, как он мечтал. Ни о какой дружбе с императором речи не шло: Павел стал нервным, угрюмым, везде подозревал заговоры и во всех окружающих видел заговорщиков, отравителей и убийц. За малейшую оплошность бешено кричал, ссылал в Сибирь, лишал чинов и дворянства. Жизнь у Николая Петровича, как и у всех придворных, была нервной, он предчувствовал неприятности.

А дома так было хорошо. Дома — всё иначе, он сам себе хозяин. Дома ласковая, преданная, любящая Прасковья. И главное — она сама искренность и честность. А здесь вокруг только холёные придворные дамы улыбаются фальшиво и лукаво глядя поверх веера, ведут двусмысленные разговоры. Рядом с ними Николай

Петрович впервые почувствовал себя старым и неловким.

Здесь о нём никто не заботился. Здесь он никому не был нужен. В феврале 1801 года Шереметев не выдержал: рискуя вызвать недовольство императора, выпросил-таки себе отпуск и помчался домой.

Прасковья не выбежала ему навстречу: она слегла с лихорадкой в постель. Тогда, у постели больной, когда она металась в бреду, он ужаснулся и понял: если она умрёт, то вместе с ней уйдёт и смысл его жизни, самое главное. Но пришла весна, и Прасковье стало лучше, она даже встала с постели. А первого марта как гром среди ясного неба прилетела из столицы весть: император Павел I убит заговорщиками – всё произошло именно так, как покойный монарх и опасался всю свою жизнь. Для Николая Петровича это означало конец его придворной карьеры, но теперь это обстоятельство его не слишком волновало.

Он уже понял, что главное предназначение его жизни — быть рядом с Прасковьей. Крепостной художник Николай Аргунов без конца писал один за другим портреты Прасковьи — так граф пытался остановить её уход, запечатлеть.

Шереметев издалека начал подготовку к заключению брака. Сначала отправился к митрополиту Платону и получил благословение на венчание. Но самое главное одобрение или хотя бы молчаливое согласие должно было исходить от молодого государя Александра I. Друзья Шереметева при дворе осторожно поинтересовались мнением императора, а тот сухо пробормотал что-то вроде: «Граф волен сам жениться на ком хочет и когда хочет». Эти слова граф расценил как разрешение и наконец обвенчался с любимой. Однако брак пока ещё держался в тайне, хотя об этом все знали. Прасковья ждала ребёнка,

будущего наследника пятидесятилетнего графа Шереметева.

Сын родился 3 февраля 1803 года. Прасковья назвала его Дмитрием в честь своего любимого святого Димитрия Ростовского. Младенца приносили матери показать лишь издалека: доктора строго запрещали им видеться, опасаясь болезни. Последние свои дни Прасковья провела в сильном беспокойстве: она всё боялась, что Разумовские выкрадут наследника из колыбели. Граф успокаивал её, выставив караул на пороге детской.

23 февраля Прасковья Ковалёва-Жемчугова-Шереметева умерла. Высший свет проигнорировал похороны бывшей крестьянки. Из знаменитостей пришёл только архитектор Кваренги.

Для графа померк белый свет. Он то пьянствовал, то писал сыну письма в будущее, рассказывая ему о матери. Впрочем,

одним делом он занимался с большим воодушевлением: так завещала ему она.

Шереметев строил в память о графине свой величественный монументальный Тадж Махал¹. Но не гробницу, нет. Это был странноприимный дом, приют и госпиталь для нищих, сирот и инвалидов. Грандиозное здание по проекту Кваренги в стиле классицизма было открыто уже после смерти графа, в 1810 году. Ныне здесь размещается институт неотложной помощи имени Склифософского. Здесь спасают человеческие жизни, и так сохранилась память об этой удивительной любви.

¹ Мавзолей Тадж Махал, одно из чудес света, расположенный в Агре в Индии.

Это одно из самых узнаваемых мест не только в Индии, но и во всём мире.

Оно было построено ещё императором Шах-Джаханом как память о своей третьей жене, Мумтаз-Махал. Известно, что она умерла при родах. Тадж Махал по праву считают самым красивым зданием в мире и символом вечной любви.

Содержание

НАТАЛИЯ АЛЕЕВА
ЦВЕТЫ, КОТОРЫЕ ЦВЕТУТ ВЕЧНО

Предисловие. <i>Сокрытый лик бытия</i>	7
<i>Лицом к тверди небес</i>	
Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София (II в. — 137 г.).....	13
<i>Неложное сердце</i>	
Святая Дария (III в.)	30
<i>Неудобоносимые бремена</i>	
Святая великомученица Варвара (IV в.)	52
<i>Нимб пути</i>	
Святая Наталия (IV в.)	73
<i>Лик действий, или Стрела, запущенная в вечность</i>	
Первая русская святая — княгиня Ольга (около 920 г. — 11 июля 969 г.)	95

<i>Сердце, открытое небу</i>	
Преподобная Евфросиния Московская, в миру великая княгиня Евдокия (1353–1407)	129
<i>Невечерний свет</i>	
Святая блаженная Ксения Петербургская (между 1719/1730 — не позднее 1806)	156
<i>Ненастные времена</i>	
Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета (1864–1918) и святая преподобномученица Варвара (? — 1918)	181
<i>Зрение души</i>	
Святая блаженная Матрона Московская (1881–1952)	220
Т. ЛАШУК СВЕТЕ ТИХИЙ	
Предисловие от автора	247
<i>Благодать из Византии</i>	
Анна Византийская (963–1011/1012)	250
<i>Кроткая царица грозного царя</i>	
Анастасия Романовна Захарьина- Юрьева (1530/1532–1560)	287

<i>Заря пленительного счастья</i>	
Наталья Борисовна Шереметева- Долгорукая (1714–1771).....	317
<i>Голос любви</i>	
Прасковья Ивановна Жемчугова- Шереметева (1768–1803).....	349
<i>Мадонна для поэта</i>	
Наталья Николаевна Пушкина (1812–1863)	377
<i>Трудно любить Льва</i>	
Софья Андреевна Толстая (1844–1919)	433
<i>Постоянство реформатора</i>	
Ольга Борисовна Столыпина (1859–1944)	469

